

81-летняя Нинэль Мефодьевна Попова, инвалид, ветеран труда, которая маленькой девочкой испытала на себе все ужасы 900 дней блокады, живет в маленькой «семейной коммуналке». В отдельной жилплощади власти ей упорно отказывают.

БЛОКАДНИЦА ЖИВЕТ В СТОЛЬ СТЕСНЕННЫХ УСЛОВИЯХ, ЧТО ДАЖЕ ИНВАЛИДНУЮ КОЛЯСКУ ПОСТАВИТЬ НЕКУДА

«Лишние» метры перечеркнули спокойную старость

Блокадница вынуждена жить вместе с взрослой внучкой в одной маленькой комнате. А на крошечной кухне инвалиду-опорнику не развернуться.

Я В ГОСТЯХ у Нинэли Мефодьевны. Живет она в центре города, на набережной Мойки. Но это вовсе не элитное жилье. Дом во дворе, вид из окна — на стоящий вплоты соседний дом. Маленькая двухкомнатная квартира (39 кв. м общей площади, около 23 кв. м жилой). Кроме Нинэли Мефодьевны в ней проживают ее дочь и взрослая внучка. Внучка живет вместе с бабушкой в 9-метровой комнатке. Настолько тесно, что даже инвалидную коляску поставить негде. Прислонена в сложенном виде в коридорчике. Нинэль Мефодьевна с трудом передвигается по квартире, но коляской воспользоваться не может: не проехать. Только если на улице.

В коридоре висят старинные часы. Эти часы пережили блокаду. Как и небольшая потрёпанная сумочка, в которой хранились карточки на хлеб.

— До войны я закончила первый класс. И на лето мы поехали на дачу в Вырицу. Я, моя мама Варвара Евсеевна и младшая сестренка Лиля. Помню, как в один из дней мы пошли загорать, и вдруг — гул, самолеты летят. Хозяйка, у которой мы дачу снимали, говорит: «Наши касатики полетели, учения у них». Но это оказались немецкие самолеты. Они полетели бомбить железную дорогу. Мы это все видели, поскольку место, где мы находились, было на возвышении и отсюда хорошо просматривалась железная дорога. Это была первая бомбежка в моей жизни. Так для меня началась война. А ночью за нами приехал отец и забрал нас домой, в Ленинград. Мы тогда жили в коммуналке в Кузнечном переулке, — вспоминает блокадница.

Детей начали эвакуировать из Ленинграда. Но мама Нинэли Мефодьевны от эвакуации отказалась.

— Мою подругу Зою Первову эвакуировали. А через сутки стало известно, что поезд доехал только до Девяткина, где попал под бомбежку. Зое повезло, она спаслась. Ее вернули в город, и так мы с ней всю блокаду здесь и были, — уточняет Нинэль Мефодьевна, показывая довоенные фотографии.

Занятий в школе не было. Но любимая учительница Александра Филипповна Генералова предложила заниматься с группой детей на дому. И занятия начались.

— Александра Филипповна тогда уже ходила на курсы медсестер, работала в госпитале, а потом ушла на фронт. Наши занятия прекратились. Правда, где-то в марте — апреле 1942-го были еще занятия в бомбоубежище на улице Марата. Туда нужно было приходиться с поленцем, чтоб печку топить. Холод стоял жуткий. А в мае нас собрали в школу (я тогда в 205-й школе училась). Но занятий не было, все дети были очень ослаблены. Поэтому нас выводили на улицу, мы шли к Музею Арктики и Антарктики. Садились на ступеньки и грелись под весенним солнцем. Затем расходились по домам, — рассказы-

1941 год. Война еще не началась. Маленькая Нинэль (в центре) с подружками.

вает Нинэль Мефодьевна. — Самое сильное впечатление от школы блокадной поры — новогодняя елка, проведенная в страшную зиму 1941 — 1942 годов. Елка была организована в нашей школе в Кузнечном переулке.

Здание школы было громадное, бывший чей-то особняк. Нас провели в актовый зал — большое помещение с хорами. Там была елка. Но хороводы вокруг нее мы почти и не водили. Слово разучились от голода. Все стояли да смотрели, — вспоминает блокадница. — Ждали обед. Нас заранее предупредили, что после елки — обед. На обед было и первое, и второе! На первое дали щи из хряпы, на второе — вермишель с сарделькой. Ну я — раз — и сардельку в карманчик платья, чтобы домой унести, родственников порадовать. А на мне было единственное мое выходное платье, и все запачкалось от жира с той сардельки. И еще нам сказали, что ложку нужно беречь. В обмен на ложку мы получим при выходе новогодний подарок. Получили. Замечательный, царский по тем временам был подарок — пара мандаринок и горсточка конфеток. Я была счастлива!

Как вспоминает блокадница, хлеб они обычно брали в булочной в Кузнечном переулке. Та булочная всю войну работала — и после войны. Сейчас на ее месте другой магазин. («И почему бы не оставить в городе хотя бы одну блокадную булочную? Хотя доску бы мемориальную повесили», — предлагает Нинэль Мефодьевна.) А за водой семья ходила на Фонтанку. Там, где раньше была прорублена блокадная прорубь, ныне памятный знак стоит.

— Весной уже чуть полегче стало. У нас появился свой маленький огорожок на Московском проспекте. Мы там картошку собирали. Причем интересно: никто ни у кого ничего не воровал там. Никому в голову не приходило выкопать чужую картошку! — замечает блокадница.

Нинэль Мефодьевна помнит день про-

рыва блокады. («Тогда совершенно незнакомые люди на улице целовались, обнимались. Был настоящий праздник»). Началась мирная жизнь. Нинэль Мефодьевна закончила школу, затем — давно ею выбранный Горный институт. И уехала на 26 лет на Север, на Кольский полуостров. Работала в тяжелых условиях...

Впрочем, и эти 26 лет на Севере чиновники не приняли во внимание, когда решался вопрос о возможности обеспечения Нинэли Поповой отдельным жильем. 13 метров общей площади на человека имеется, и все. Ничего блокаднице не положено!

— Знаете, пришлось даже мою большую коллекцию минералов отдать. Потому что совершенно нет места для хранения, — вздыхает Нинэль Мефодьевна.

Власти не смущает, что живут-то в квартире фактически три семьи: трое взрослых людей разного возраста — со своими при-

Старинные часы, пережившие блокаду, — одна из семейных реликвий. Часы, к слову, ходят точно.

вычками, образом жизни, разным ведением хозяйства и разными бюджетами...

Подруги Нинэли Мефодьевны, пережившие вместе с ней блокаду, уже получили отдельное благоустроенное жилье. А Нинэль Мефодьевна недоумеет: чем же она-то провинилась?

Татьяна ЮРЬЕВА
Фото автора и из архива семьи Поповых — Бондаренко

КОММЕНТАРИЙ

Татьяна СМЕРНОВА, юристконсульт горячей линии «36 квадратных метров»:

— Чиновники, отказывая в помощи в улучшении жилищных условий Нинэли Мефодьевне, ограничились подсчетом общих метров квартиры, где проживает ветеран, забывая о требовании закона. Согласно ст. 17 Федерального закона «О социальной защите инвалидов в РФ» от 24 ноября 1995 г. № 181-ФЗ (с изм.) жилые помещения, занимаемые инвалидами, оборудуются специальными средствами и приспособлениями в соответствии с индивидуальной программой реабилитации инвалида.

В соответствии с п. 8 Правил предоставления льгот инвалидам и семьям, имеющим детей-инвалидов, по обеспечению их жилыми помещениями, оплате жилья и коммунальных услуг, утвержденных постановлением правительства РФ от 27 июля 1996 г. № 901, инвалидам и семьям, имеющим детей-инвалидов, занимаемые ими жилые помещения могут быть заменены на другие равноценные жилые помещения в соответствии с индивидуальной программой реабилитации инвалида (переселение с верхних этажей домов на нижние, приближение к месту жительства родных, близких и т. п.).

Для решения вопроса улучшения жилищных условий Нинэли Мефодьевне необходимо в индивидуальную программу реабилитации, в раздел «социальная реабилитация», внести сведения о необходимых мероприятиях по обеспечению доступности жилья для инвалида.

Следующий шаг — повторно обратиться в районную администрацию для проведения реабилитационных мероприятий, вписанных в индивидуальную программу реабилитации, либо для обмена на другое жилое помещение, в котором использование инвалидной коляски не будет затруднительно для ветерана.